

Елизавета Дворецкая

КОЛОДЕЦ СТАРОГО ВОЛХВА

Елизавета Дворецкая

КОЛОДЕЦ СТАРОГО ВОЛХВА

На весь город славится своей красотой юная Медвянка. Но и нрав у девы крут: нет такого юноши, который был бы ей мил. Десятник Явор — первый удалец в городе, уважаемый дружиной и любимый воеводой. Вот только избалованная Медвянка не желает признавать его достоинств. Она отвергает Явора, не приняв перстень. Чтобы забыть о своем разочаровании, десятник отправляется в степь. И натывается на печенежский разведывательный отряд. К городу движется орда. Грядет битва. И лишь теперь Медвянка понимает, как дорог ее сердцу храбрый десятник...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5757-3

9 786171 257573

Елизавета Дворецкая

КОЛОДЕЦ СТАРОГО ВОЛХВА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Д24

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

ISBN 978-617-12-5757-3

- © Дворецкая Е., 2018
- © DepositPhotos.com / tiler84, osalenko, Geribody, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

== ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ==

ГОРОД-ЩИТ

ГЛАВА 1

Белгород, 997 год

Еще не проснувшись до конца, лежа в полудреме с закрытыми глазами, Медвянка по своему обыкновению вспоминала, что хорошее обещает принести ей наступающий день. Она всегда так делала — словно прикидывала, стоит ли вставать? — и каждый день неизменно убеждалась: стоит! И сегодня особенно! Сегодня — Лелин велик-день, ее ждут первые в году хороводы, песни, игрища, в которых Лелей выберут не кого-нибудь, а ее — ведь она, а не кто-то другой, самая красивая девушка в Белгороде! Новую сорочку из беленого тонкого льна Медвянка вышивала ползими — уже из-за этого стоит подняться и одеться поскорее!

Медвянке вспомнился вчерашний вечер, и она сладко вздохнула от удовольствия. Вчера Молчан наконец-таки собрался к ней посвататься. Ему отказали, и дело с концом! Медвянка чувствовала такое облегчение, будто несла две бадьи воды и наконец-то поставила их на землю. Больше Молчан не будет бродить за ней тенью, многозначительно смотреть своими желтыми глазами и молчать, словно она ведунья и сама может прочесть его мысли. Да если бы и могла — не стала бы этого делать. Медвянке никогда не нравился степенный и толковый, но молчаливый, скучный кузнец-замочник, и она была всей душой рада, что больше он не станет к ним ходить.

Девушка легла на спину, открыла глаза, высунула руки с завернувшимися рукавами рубахи из-под одеяла и, сладко потянувшись, зажмурилась. В отвлоченное окошко

тянуло свежим запахом весеннего утра, еще прохладного, но обещающего тепло. Яркий Ярилин луч лежал на глиняном полу, и Медвянке вдруг стало скучно в доме, наполовину зарытом в землю, и захотелось на волю.

Оглядевшись, она увидела, что лежит одна, сестры Зайки уже нет, челядинка тоже ушла — ее подстилка из козьей шкуры была свернута и засунута за ларь. Откинув одеяло, Медвянка спустила ноги на пол, одной рукой схватила вязаные чулки, другой — кожаный башмак — новенький, прошитый цветными ремешками (отцовский подарок к весенним праздникам), и заторопилась, испугавшись, что спала слишком долго. Мать всегда ее будит — отчего же сегодня не пришла?

Одеваясь и торопливо расчесывая костяным гребнем свою пышную, длинную рыже-золотистую косу, девушка слышала за окошком голоса матери и челядинки, возившейся в хлеву. Корову еще не вывели из хлева — значит, не так уж долго она, Медвянка, и спала. Вчера скотину впервые в этом году выгнали на луга, и сегодня улочки белгородского детинца и посада уже ждали, когда запоют за тыном рожки кончанских пастухов. И в этом ожидании тоже была весна, тоже был праздник.

Из передней клетуши доносились голоса ее отца Надежи и гостя, боярина Гостемира, который жил у них во время княжеских походных сборов. Заплетая косу, Медвянка прислушалась и усмехнулась — спор шел все о том же.

— Ты, Гостемир, ратный человек, вот ты мне и скажи — неужели у нас неприятелей по всей земле столько? — расспрашивал гостя Надежа. — Сколько живу, не помню, чтобы князь хоть одно лето дома побыл. Сам посуди: едва он в Киеве сел, сразу на ляхов пошел, да тут же на вятичей, на другое лето опять на них, на третье — на ятвягов. И так все семнадцать лет! На радимичей, помню, рать собирали, на болгар, на греков, на хорватов — да где они, хорваты, что за народ такой, что нам до них за дело? На чудь в который уж раз идут!

— А помнишь ты такое лето, чтоб печенеги на полян не ходили? — отвечал ему Гостемир. — То-то — не помнишь!

А с печенегами воевать — люди надобны, кони, оружие, всякий припас. Где брать, коли в походы не ходить? Без дани вятичей и чуди на что города строить? И без великого ума догадаешься.

— Без великого ума и о другом догадаешься! — горячась, подхватил Надежа. — Вот уйдет князь, а без него печенеги нагрянут, городки пожгут, все наши труды по ветру пустят! Вон с Мал Новгородом что сотворили...

— Так за воями и пойдем, чтоб не печенеги нас, а мы их по ветру пускали! — тоже горячась и перебивая собеседника, убеждал его Гостемир.

— Оставался бы князь дома — никто к нам и не сунулся бы! Как в песне поется: коли сокол в лову бывает, высоко птиц бивает, а не даст гнезда своего в обиду! А наш Ясный Сокол — чуть трава на луга, так он в облака!

Городник, посвятивший свою жизнь обороне русских городов, и боярин, с отрочества видевший честь и доблесть в ратных походах, вели такие споры каждый день и никогда не приходили к согласию. Каждый из них был по-своему прав: ради безопасности южных русских земель князю приходилось на время оставлять их без своей защиты. Чтобы удержать достигнутое, он принимался собирать силы, рискуя потерять больше, чем приобретет. И ни сам князь, ни его мудрые бояре и бывалые воеводы не видели выхода из этого ведьминоного кольца.

Но сегодня Надеже и Гостемиру не удалось доспорить до такого состояния, когда мысль о ковше холодного кваса вытесняет желание разобраться в княжеских делах. Со двора послышался шум, испуганное квохтанье курицы, едва не попавшей кому-то под ноги, всполошенный лай пса Уголька. Что-то крикнула хозяйка. Любопытная Медвянка выглянула из задней клетки в переднюю, зажав в кулаке конец косы с недовязанной лентой. Хлопнула дверь сеней, словно ее рвануло бурей, и на пороге показался мужик могучего сложенья, с торчащей во все стороны, как будто ветром раздутой темной бородой. Даже вниз по ступенькам он не

спустился, а рухнул, словно не в силах был снести свой гнев и возмущение.

— Ты гляди, чего детсяя! — возмущенно загудел он прямо с порога, не здороваясь и не кланяясь. — Опять полк при-
тащился какой-то боярский, и сызнова тысяцкий к нам его
сует! Да что мы — бездонные?

— Да не шуми ты, поклонись добрым людям! — восклик-
нула жена Надежи, Лелея, устремляясь со двора вслед не-
жданному гостю.

Это был их сосед, кузнец-оружейник, прозванный Шу-
милой. Родом он был из Полоцка, из племени кривичей,
а его горячий, непокорный нрав стал причиной того, что
его первого полоцкий посадник отправил со всем семей-
ством на Киевщину, когда князь Владимир велел собирать
народ для заселения вновь построенных сторожевых го-
родов. Воевода без сожаления расстался с хорошим ору-
жейником, лишь бы избавиться от шумного бунтаря, ко-
торый всегда был недоволен посадником и его тиунами,
данями и повинностями, напоминал полочанам о том, что
не всегда они были данниками Киева и совсем недавно
еще имели свой княжий род, истребленный князем Вла-
димиром.

— Сядь да Расскажи толком! — уговаривала его хозяйка.

— Да где ж тут толк! — продолжал бушевать оружейник,
никого не слушая. — У наших у кузнецов на всяком дворе
уже по полку стоит, самим сесть некуда, хозяева на дворе
спят, и клетки, и бани заняты, хоть в хлеву живи, а у наших
и хлев-то не у всякого есть! До каких же пор это будет?
Охота князю воевать — так и пушай себе идет, а нам-то за
что такая беда? Что же он их на своем дворе не поселит?
У него-то там не тесно!

— Уймись ты, баламут! — усовещивал оружейника На-
дежа. — Какой ты Шумила — тебе Буреломом бы зваться!
Попомни мое слово — насидишься ты в порубе!

— Да как тут терпеть? Совсем замучили постояями! — не
унимался Шумила. — У вас-то в детинце еще тихо. А у нас —

что орда прошла. Горшки побиты, куры да петухи съедены, хоть сам на солнышко кукарекай!

Надежа и Гостемир засмеялись.

— Выпей-ка квасу ради праздника! — весело сказал хозяин и взял со стола деревянный ковшик с утиной головой на ручке. — Разом на сердце полегчает!

— Мутно на душе, коли пива нет в ковше! — усмехнулся Гостемир.

— Какой-такой праздник? — прогудел Шумила, вытирая рукавом выпуклый, блестящий от пота лоб.

Выговорившись, он заметно поостыл и теперь переводил дыхание, будто после трудной работы.

— Как какой? Лелин велик-день! — воскликнул Надежа, наливая квасу из большой корчаги. — Стареешь, брат, стареешь, беда! Девичий праздник забыл! А ведь в молодые-то годы только и ждал его — а? — Надежа подмигнул гостю, протягивая ему ковшик, и Гостемир с удовольствием засмеялся, вспоминая, как ожидал когда-то в юности начала весенних хороводов и игрищ.

В переднюю клетушу вышла наконец Медвянка. Поклонившись гостям, она медленно и торжественно повернулась, чтобы отец мог оглядеть ее со всех сторон. Надежа и оба гостя, любуясь ею, даже забыли, о чем у них шел разговор. Не зря Медвянка надеялась и сегодня, третий год подряд, представлять богиню-Весну в игрищах и обрядах Лелиного велика-дня. У нее были красивые карие глаза, блестящие, как темный янтарь; тонкие, словно прочерченные угольком черные брови; румянец горел на щеках непреходящей зарей. Уголки ярких губ были чуть приподняты, и это придавало подвижному лицу выражение смешливого задора. Хороши были и волосы цвета темного меда, густые, тонкие, вьющиеся на висках и надо лбом; в каждом волоске горел солнечный луч. Богиня Лада одарила Медвянку красотой, Мать Макошь дала ей легкий, веселый, бойкий нрав. Отец не чаял в ней души, а белгородские парни не сводили с нее глаз.

Сегодня она чувствовала себя особенно пригожей и нарядной, красиво убравшись в честь богини Лели. Одежда была единственным рукодельем, на которое Медвянка не жалела трудов: ее верхняя рубаха из красноватого полотна была украшена многочисленными полосами разноцветной вышивки; из-под нее виднелся подол нижней рубахи, крашенной в желтый цвет и тоже вышитой. На руках у девушки звенели витые серебряные обручья, на груди пестрели бусы из красно-рыжего сердолика и желтого янтаря, на висках блестели, укрепленные на полоске тесьмы, позолоченные кольца с узорными бусинками, которые отец привез ей из Киева.

— Ах, хороша у тебя дочь! — одобрительно кивая, воскликнул Гостемир. — Хороша! Истинно, сама Леля-Весна! Будь я на двадцать лет моложе — непременно бы посватался!

— Спасибо на добром слове, да у нас в городе и своих женихов хватает! — весело ответил Надежа, со значением поглядев на дочь.

Медвянка многозначительно фыркнула, вспомнив о Молчане, и якобы смущенно подняла к лицу рукав.

— Да уж видал я вчера! — тоже вспомнив прошлый вечер, сказал Гостемир, подкручивая ус. — Женихов вам с собаками не искать!

— А собаками со двора гнать! — сдерживая смех, отозвалась Медвянка.

Она знала, что в городе будет много болтовни о вчерашнем неудачном сватовстве, что многие, особенно те, у кого дочери на выданье, будут осуждать ее за разборчивость, но это ее не беспокоило. Медвянка очень любила, когда о ней говорили.

— Ох, боги светлые! — Лелея недовольно вздохнула. — Макошь-Матушка ее дух, видно, из ветра сотворила!

Со вчерашнего вечера она все вздыхала. С одной стороны, иметь в зятях такого толкового и надежного человека, как Молчан, было бы хорошо, но Лелея была неглупа, хорошо

знала свою дочь и не могла не понимать — Медвянка и Молчан совсем друг другу не подходят, в семье их не было бы лада. А без лада какое счастье? Старшая дочка, всегда готовая болтать, смеяться, петь, плясать хоть до зари, была не охотницей до домашней работы, и это не нравилось городничихе.

— Не ворчи, матушка! — стал защищать свою любимицу Надежа. — Ведь как хороша, добрым людям на радость — посмотришь, и сердце веселится! Словно огонек — дом освещает!

— Огонек твой светит, да не греет! Наговоришь ты ей — она и без того привередница выросла, ни на одного доброго парня не глядит. Что же, княжича дожидаться — да где его взять?

— Будут и княжичи! — подхватил боярин Гостемир, который неизменно заступался перед хозяйкой за Медвянку просто потому, что при взгляде на нее у него веселело на сердце. Тут он был целиком согласен с Надежей — за что бранить девку, ведь она так хороша! — Князь-то, слышали, и старших сыновей с собой в поход берет. Вышеслав, Изяслав, Святополк — все молодцы! И больше всех Вышеслав!

— Расскажи, боярин! — Медвянка улыбнулась ему; в ее глазах блеснула лукавая мольба.

Княжичи, которых ждали в Белгороде со дня на день вместе с самим Владимиром, занимали немало места в ее мыслях. Медвянке хотелось хоть разок посмотреть на них, узнать, какие они — сыновья Владимира, внуки Святослава, потомки Дажьбога.

— Да ну тебя! Собралась, так ступай! — Мать махнула на нее рукой, не давая Гостемиру договорить.

Она знала легкий нрав и живое воображение дочери и беспокоилась — от мыслей о княжичах добра не будет.

— Мы ее за Явора отдадим! — тут же доложила Гостемиру младшая дочка Надежи, которую пока еще звали детским именем Зайка.

В свои десять лет она была миловидна и проворна и обещала в будущем не уступать пригожестью старшей сестре.

Медвянка не стала спорить с матерью, а вышла из клетуши, приплясывая и смеясь. Ей и правда пора было уходить. Про княжичей она еще успеет расспросить Гостемира, когда Лелеи не будет поблизости, а упускать что-то из сегодняшних развлечений девушка не собиралась.

Двор Надежи смотрел резными воротами на маленькую площадь в середине детинца; старший городник жил в самом сердце Белгорода и был в центре всех его событий. Сюда же выходили дворы тысяцкого и епископа, подле них стояла маленькая деревянная церковь с одной маковкой, покрытой серебристыми плашками осинового лемеха. В детинце было тише и малолюднее, чем в Окольном городе, крепкие тыны белгородской знати стояли величаво и спокойно.

Покинув двор, Медвянка направилась к высоким воротам тысяцкого Вышени. Она была дружна со старшей Вышениной дочкой и обещала зайти за ней, чтобы вместе отправиться на Лельник. По дороге Медвянка с удовольствием ловила на себе веселые взгляды, улыбалась всем вокруг, даже напевала негромко. Тесноватая площадь детинца, отсыревшие за зиму тыны, влажная земля, растоптанная копытами скотины и сапогами отроков, были облиты золотом солнечных лучей, и все казалось красивым, потому что говорило о весне. А стоило Медвянке вспомнить, что скоро она увидит князя, как ликование вскипало в ней, будто бурный весенний ручей. Весна была вокруг и внутри нее, она сама была — Весна.

За воротами воеводского двора Медвянка увидела десятого из Вышениной дружины, Явора. Встретив ее взгляд, он остановился и улыбнулся восхищенно и радостно. Яркое солнце слепило ему глаза, и от этого казалось, будто Медвянка, облитая солнечными лучами, сама излучает свет. Она была словно берегиня, рожденная от росы и трав, с блестящими, как молния, очами, лучезарно-прекрасная Денница, дочь светлого Солнца.

— Что смотришь, будто глаза примерзли? — задорно спросила Медвянка. — Неужели не признал?

— Гляжу, не пойму, живая ты или мне мерещится? — не успев подумать, искренне сказал Явор.

Медвянка засмеялась, но в глубине души была премного довольна и его словами, и восхищением в его глазах. Она была рада, что встретила его — мужчинам нельзя смотреть на девичий праздник, а ей хотелось показаться Явору во всей красе.

— Мерещится-то спяну, а ты не пьян ли с утра? — со смехом спросила Медвянка. — Смотри, воевода узнает!

— Да ты о чем? — удивился Явор.

Но Медвянка, все еще смеясь, прошла мимо него к крыльцу женского терема и поднялась на несколько ступенек.

— Постой! — Явор вдруг порывисто шагнул за ней и схватил ее за руку. Девушка обернулась; смех все еще играл в чистых чертах ее лица. — Постой! — повторил Явор, любуясь ею, и горячо заговорил: — Что же ты бежишь от меня, как от зверя лесного? Или я тебя чем обидел?

— Еще бы не обидел — у честного народа на виду за руки хватаешь! — с лукавым упреком ответила Медвянка и попыталась отнять руку.

Явор с легкостью останавливал на скаку жеребца и ломал в ладони еловую шишку, но тонкое белое запястье смешливой девушки выскользнуло из его пальцев. Насильно мил не будешь.

Медвянка принялась старательно поправлять витое серебряное обручье, а потом быстро глянула на Явора. Вот оно, дескать, мое обручье. Уж три года ношу, а потом пригожему молодцу отдам — тому, за кого замуж пойду. Не тебе! Не для твоей родни на посиделках рушники вышиваю и пояса плету!

Явор без труда понимал ее взгляды — за несколько лет он узнал лицо Медвянки гораздо лучше, чем свое собственное. Она и правда была — весна, то солнышком пригреет, то ветерком протянет, то прояснится, то нахмурится.

— Хоть сегодня-то, в Лелин день, не беги от меня, — тихо сказал Явор, снизу вверх глядя на девушку на ступеньках

крыльца. Медвянке очень нравилось смотреть на рослого Явора сверху вниз, и она задорно улыбалась, чувствуя, что он в ее власти. — Видит Ладина Дочь — никто тебя так не любит и вовек любить не будет, как я люблю.

«И ведь правду говорит — никто другой столько твоих насмешек не терпел», — говорил голос благоразумия в душе Медвянки, но он был заперт в самой дальней клети, и его было почти не слышно. А русалочий дух, владевший любимой дочерью Лады, уже выдал ответ.

— А ты почему знаешь, как другие любят? — насмешливо отозвалась Медвянка, а ее блестящие глаза говорили: я-то знаю! — Коли ты мужика посадского через тын метнул, так думаешь, что всех одолел? Забыл, что Обережа говорит: на всякого сильного сильнейший сыщется?

Избавившись вчера от Молчана, Медвянка с особым удовольствием вспомнила сейчас тот давний случай. В прошлую Макошину неделю Молчан хлебнул в гостях лишнего, избавился от своей обычной замкнутости и, встретив Медвянку у чьего-то тына, когда она шла домой с посиделок, решил непременно поговорить с ней о своем сватовстве. Только спяну он и мог думать, что она согласится! Но Медвянка не захотела его и слушать. Молчан схватил девушку за руки, прижал ее к тыну и неловко попытался поцеловать. К счастью, он был менее искусен в этом навыке, чем Медвянка — в навыке уворачиваться. Возмущенная и рассерженная девушка пыталась освободиться, но кузнец был слишком силен. Увлеченный борьбой с девицей, Молчан не услышал сзади шагов Явора. Вдруг чья-то сильная рука взяла его за пояс и приподняла, а другая ухватила за ворот кожуха и пригнула мимо девушки, слегка стукнув лбом о тын. Утратив равновесие, замочник тут же выпустил Медвянку и нелепо взмахнул руками, стараясь удержаться на ногах. «Побеседовал с девицей, удалой молодец, а теперь ступай восвояси!» — мирно посоветовал ему знакомый голос. Сильные руки рывком подняли Молчана еще выше; земля выпрыгнула у него из-под ног, холодно свистнул ветер, ловко проскочили вни-

зу заостренные верхушки полуторасаженного тына, и подмерзшая земля радостно рванулась навстречу заблудшему сыну, вздумавшему полетать, — уже с другой стороны тына.

Этот случай долго со смехом обсуждал весь Белгород. Надежа поблагодарил Явора и подарил ему плетъ с костяной рукояткой и с наверхуем в виде волчьей головы. Подарок был с намеком и предупреждением. Старший городник знал, что Явор и сам не прочь посвататься к его дочери. «Вот что тебе понадобится, если ты мою дочь за себя возьмешь!» — хотел сказать любящий отец желанному зятю.

А сама Медвянка, с восхищением наблюдавшая за полетом Молчана, тут же принялась рассказывать подружкам о забавном происшествии. Не упустила ни одной мелочи — лишь забыла поблагодарить Явора.

— Метнул, — спокойно подтвердил десятский, положив руку на столб крыльца и больше не прикасаясь к Медвянке. — И еще метну, коли опять стыд забудет. И покуда не сыщется такой осилок, кто меня через тын перебросит, я со своей дороги не сверну. Нет у меня ни матери, ни сестры — ты одна мне всех дороже!

— Я тебе дорога! Выкупить меня — твоей казны не хватит! — крикнула Медвянка и взлетела по ступенькам до самого порога.

Явор подался за ней, но она толкнула дверь и скрылась в сенях, только медово-золотистая коса с красной лентой и двумя серебряными ногатами на конце мелькнули перед глазами раздосадованного десятского.

В сердцах ударив кулаком по резному столбу, Явор сел на ступеньку крыльца и тяжело вздохнул, жалея о том, что опять заговорил с Медвянкой о любви. Знал ведь, что, кроме обиды, ничего не добьется, но тоска по этой девушке, не оставлявшая его зимой, весной вскипела, как горячая смола, а сама девушка показалась ему сейчас еще краше прежнего и слова сами рвались с губ. «Кажется, промолчу — задохнусь. Или правда за чужую ложку сдуру схватился, не про меня такая красавица?» Явор был высок и статен, но

красотой похвалиться не мог: его волосы выгорели на степном солнце почти до белизны, а лицо потемнело, отчего он казался старше своих двадцати трех лет. В придачу его нос с горбинкой, когда-то давно перебитый, был немного сворочен в сторону. Такой жених казался Медвянке недостойным ее красоты, и она без стеснения насмеялась над ним. Бывало, Явор по нескольку дней отворачивался, проходя мимо Надежиного двора, но красота Медвянки снова и снова заставляла его забывать насмешки и прощать обиды. Такую красоту дают богини, а Мать и Дочь не рожают на свет ничего дурного. Только доброе, только на радость. Явор любовался Медвянкой как зарей или радугой и, страдая от ее насмешливости, в красоте находил утешенье.

Все еще улыбаясь после встречи с Явором, Медвянка вошла в терем. В глубине души она была польщена, что первый молодец в Белгороде, предмет обожания многих девиц детинца и посада, любит ее только ею и даже не глядит на других. Это вам не Молчан! Признания Явора были для нее как прыжки через костер — близки к чему-то важному, священному, и страшновато, и весело, под ногами жар, над головой ветер, и дух захватывает, и смеяться хочется...

На отроков в воеводских сенях, встретивших Медвянку жадными взглядами и многозначительно подтолкнувших друг друга локтями в бока, она глянула без смущения, с задорным вызовом: «А ну-ка сунься ко мне, кто хочет полететь через тын!»

Весна в этом году выдалась ранней и теплой, и семейство воеводы уж с месяц как перебралось из нижних теплых истобок в горницы. Сюда свет проникал не через маленькие волоковые окошки, а свободно лился сквозь широкие окна, закрытые желтоватыми пластинками слюды в частой, крашенной красной охрой раме, и светло было так, что иголку на полу увидишь. Лавки, лежанки и лари радовали глаз цветными вышитыми покрывалами — рукодельем хозяйки и ее дочерей. Плахи пола были скрыты трехцветным, степной работы ковром с узо-

рами из завитушек. На нем валялась кукла, сплетенная из мягкой льняной пряжи и одетая в вышитую рубашечку — младшая дочка тысяцкого еще не носила девичьей ленты.

Старшая воеводская дочь, Сияна, встретила Медвянку в рубахе, с растрепанной косой и со слезами на глазах. Сияне недавно исполнилось пятнадцать лет, она была рослой, статной — на загляденье. Белое лицо с правильными чертами и нежным румянцем было бы красиво, но из-за светлых бровей и ресниц она больше походила на ребенка, чем на женщину. Сияна была скромна, прямодушна, не тщеславилась своим знатным родом и высоким чином отца. Огонь жизни, который играл в каждой черточке Медвянки, у старшей дочери воеводы был спрятан глубоко внутри и дремал. Если Медвянка была ярким душистым цветком, к которому со всех сторон устремляются пчелы, то Сияна была еще только почкой, ожидающей солнечного луча, который пробудит ее, даст силы расцвести.

— Ты чего, душа моя, не одета, не прибрана? — удивленно напустилась на нее Медвянка. — Может, захворала? Или и у вас отроки всех петухов поели?

— Меня отец не пускает на Лельник! — со слезами в голосе ответила Сияна.

Ее розовые губы дрожали, а голубые глаза влажно блестя, как цветочки пролески с каплями росы.

— Как — не пускает? — изумилась Медвянка. — Чем же ты провинилась?

— Ничем я не провинилась! Говорит, мне не пристало, я, дескать, боярская дочь, не к лицу мне с черной чадью хороводы водить! Раньше не пускал — говорил, мала еще, но теперь-то не мала, мне шестнадцатое лето пойдет, я уже невеста! Все пойдут, а я в горнице буду сидеть, как увечная какая-нибудь, как дурочка безъязыкая...

Тут выдержка совсем ей изменила и Сияна снова заплакала от горькой обиды.

— Твердит, Христос не велел, грех какой-то, вот еще! — сквозь слезы вымолвила она. — Это все Иоанн ему наговорил!

— Кто бы ни наговорил, а отца надо слушаться! — бормотала нянька Провориха, с детства ходившая за Сияной и теперь еще смотревшая за ее младшими сестрами. — Да не кручинься ты так, голубка моя, мало ли тебе будет веселий? Ты же красавица у нас, как зорька ясная! Тебе ли в печали быть? Что тебе в хороводе этом? Попроси только — отец тебе из каменьев самоцветных велит венки свить, не чета прочим!

Но обе девушки ее не слушали. Легко было говорить няньке, уже много лет покрытой вдовьим повоем и поседевшей под ним. Для них, невест, велик-день Лели-Весны, заклинающий тепло и цветенье, предвещающий игрища и свадьбы русальего месяца кресеня, был важнейшим днем этой поры. Лишиться его было бы очень обидно. Кто он такой, этот болгарин Иоанн со своим богом Христом, почему запрещает радость юности?

— Может, матушка за тебя заступится? — попыталась утешить Сияну Медвянка.

— Пробовала, да отец не слушает! Бискуп, говорит, огневается, князю расскажет, что, мол, тысяцкий в Белгороде Христа не почитает, а дочерей своих на бесовские пляски пускает. Я сама слышала, как они в гриднице говорили. И без того бискуп зол, что у нас ведун в детинце живет, а тут еще я... А скоро князя ждут, вот отец и боится... Да откуда он взялся, Христос этот, что ему в наших весельях? Он — само собой, а как же без Лели? Может, он и весне не велит быть?

Сияна плакала, уткнувшись в платок, не в силах договорить до конца, но ее обида на отца, на епископа и на Христа была ясна и без слов. Все трое непонятно почему лишили ее веселья Ладиных и Лелиных игрищ, и Сияна была несчастна.

— Может, он на Ярилин день тебя отпустит? — Отняв у Сияны мокрый платок, нянька дала ей новый и стала поглаживать свою питомицу по вздрагивающим плечам. — Тогда ведь князь уже в походе будет, он ничего и не проведает. А там и Купала скоро!

— Ах, да не плачь ты! — сказала Медвянка. Слова Проворихи о князе напомнили ей о том, о чем она сама думала

так часто. — И правда, хватит на твою долю хороводов! Зато скоро у вас тут князь будет, и гриди его, и бояре, и княжичи! Вот бы мне на них хоть глазком поглядеть! А ты-то с ними всякий день за столом сидеть будешь! Не плачь, а то станешь зареванная, некрасивая. А будешь хороша да приглянешься какому-нибудь из княжичей, он к тебе посватается — княгинею станешь!

Медвянка мечтательно вздохнула, мгновенно представив череду этих чудесных событий, только на месте Сияны она видела себя. Но, по воле Матери Макоши, Пряхи Судьбы, каждой свое — Медвянку едва ли позовут в княжескую гридницу.

Сияна перестала плакать и теперь лишь водила платком по щекам и по покрасневшему носу. Она уже смирилась со своим несчастьем, но слова подруги мало ее утешали. Она-то вовсе не думала о гридях и княжичах и с радостью променяла бы их всех на свободное веселье в хороводе, без няньки и напоминаний о боярской чести. Но помочь ее горю было нечем — тысяцкий хотел жить в мире с епископом, даже если это угрожало миру в его собственной семье.

В рощу за крепостной стеной, позади окружавших Белгород оврагов, Медвянка отправилась одна. Впрочем, это ее не слишком огорчило — чужие слезы скатывались с ее сердца, как роса с листа. Трисветлое Солнце прежним блеском встретило ее на дворе, и Медвянка забыла об огорчении Сияны. Жалко, конечно, подругу, но нельзя с грустью в сердце величать Богиню-Весну — огневается! И Медвянка снова запела, призывая благодетельную силу Дочери:

Берегини-сестрицы,
Красные девицы,
Вставайте ранешенько,
Умывайтесь белешенько,
Выпускайте росу, девичью красу.
Ты моя краса, будь как чистая роса!

Перед воротами детинца, где к ним выходил кожевенный конец, стояли, дожидаясь Медвянку, две ее подружки, дочери тульника Укрома. Девушки были похожи друг на друга, но каждая была хороша по-своему; у обеих подола рубах были вышиты в девять рядов, русые косы украшены лентами, рукава стянуты у запястий тканой тесьмой; на шее у каждой блестело по пять разноцветных стеклянных бусин — немалое богатство для Окольного города! Им не давали скучать три парня — два отрока и один свой, из кузнецов. Обе Укромовны весело смеялись, слушая их, — ни одна не была обижена вниманием. Парни же помнили, что один из них лишний, и каждый был уверен, что это уж точно не он! Завидев Медвянку с увязавшейся за ней сестрой — неугомонной Зайкой, Укромовны тут же вспомнили, что с парнями будет время болтать только вечером, и в притворном негодовании замахали на них руками: не задерживайте, не до вас, мы идем Богиню-Дочь славить! Сестры устремились следом за Медвянкой; парни провожали их глазами, приглаживая волосы и оправляя пояса: «Вечером поглядим, кто будет лишним».

На опушке рощи Медвянку уже дожидались девушки, собравшиеся сюда со всего Окольного города и из детинца. Богаче всех были одеты и убраны девицы из дружинных родов — князь Владимир славился ратной доблестью и удачей, и его воины часто привозили из походов добычу. Дочка сотского Велеба, Веснушка, была некрасива — у нее были большие выпученные глаза, толстые губы, а волосы напоминали бронзовую проволоку. Но она блестела серебряными украшениями, как рыба чешуей. На синей ленте, обвивавшей голову, было укреплено не два, не четыре, а целых десять колец-заушниц, которые отец Веснушки привозил из походов. Даже Медвянка на миг позавидовала дочке сотского.

Каждая девушка принесла из дому угощение, заменявшее древнюю жертву: пироги, сметану, молоко, лепешки, особенно много было вареных яиц, расписанных разноцвет-

ными узорами. Сложив подношенья Ладе и Леле на заранее устроенной дерновой скамье, девушки разбрелись по роше искать себе на венки цветы. Их в эту пору было уже много, и всякая цветочная головка — белая, желтая, розовая, голубая, глядевшая из зеленой травы, — приветливо кивала, словно говоря: Леля-Весна пришла, проскакала по земле на золотом коне, и там, где ударил он жемчужным копытом, оттает земля, пробьется к свету трава, расцветут цветы. Идет в мир долгая пора тепла и света, а зима с ее тьмою, холодом, дымным угаром полуземлянок осталась позади.

Медвянка радостно шла по березняку; потоки весеннего свежего тепла оевали ее, струились от дышащей земли, от белых березовых стволов, от чистого неба. Она сама себе казалась легкой-легкой: выйди на поляну, раскинь руки — и полетишь. Девушка ступала осторожно, чтобы поменьше мять юную травку, гладила белые стволы берез с черными глазками, теплые, нагретые дыханием Ярилы. Легкий белый пух березовой коры приставал к ее пальцам, и Медвянка ладонью чувствовала, как под кожей сестры-березы бьется и бежит сок. И в ней самой, как в березке, росла радость новой весны, пробужденная дыханием молодого, буйного божества — Ярилы. Словно из гущи ветвей за ней с дружеским любопытством наблюдали чьи-то зоркие глаза. Сам Догода — свежий весенний ветерок — бродил по березняку, шевелил и гладил ветки, и Медвянка оглядывалась, всякий миг ожидая увидеть его — в остроконечной шапке, из-под которой виднеются туры рога, с легким посохом в руках, покрытым зелеными побегами, с доброй улыбкой на лице.

Медвянка забрела в рощу дальше всех, но не замечала этого: ей казалось, что она прямо с опушки ступила в иной мир, прозрачный, светлый и прекрасный, в тот небесный край, где сама Леля проводит лето, осень и зиму.

Меж стволов появилась широкая прогалина. Медвянка вышла на поляну и ахнула: в бледной зелени вокруг серого пня светились маленькие белые звездочки. Подснежники! Не боясь испачкать рубаху, девушка опустилась на колени

и не сразу решилась протянуть руку к тонкому, почти прозрачному белому цветку.

С пучком подснежников Медвянка явилась на поляну, где ее уже ждали и аукали. Завидев ее с подснежниками, девушки окружили счастливицу, дивясь и завидуя. Видно, только Медвянке и даются в руки светлые дары Лели-Весны, только ей и пристало носить венок Дочери. Девушки свили венок из пестрых цветов и украсили его подснежниками, словно жемчугом. Румяная, с блестящими глазами, в ярком душистом венке, Медвянка была прекраснее всех. Богиня-Весна не постыдится вдохнуть в нее свой дух, облачиться в ее тело и быть среди них, благословляя их судьбу.

Лелю-Медвянку посадили на зеленую дерновую скамью, положили возле нее каравай хлеба, с другой стороны поставили кувшин молока, горшочек сметаны, разложили крашенные яйца. К ногам девушки сложили венки из травы и цветов. Гончаровой дочери Живуле посчастливилось найти россыпь лесных фиалок, и ее лежащий сверху венок смотрел на прекрасную Лелю множеством удивленных синих глаз.

Девушки водили вокруг Лели хороводы, пели величальные песни, желая, чтобы вся земля расцвела так же прекрасно, дала бы роду людскому столь же обильные дары, чтобы на каждую девушку перешла часть ее красоты и жизненной силы.

Зашумели речки, льды потекли,
 Зазеленела берега, цветки зацвели,
 Зазеленела дубрава, пташки запели.
 Ой, выйду я, выйду, цветочки собирать,
 Цветки собирать, в веночки свивати,
 Веночки свивати, Ладу с Лелей славити!

В благодарность Леля-Медвянка раздавала девушкам яйца, бросала им венки — которая поймает, та скоро выйдет замуж.

В разгар веселья до слуха девушек стал долетать шум со стороны дороги. Сначала они не обращали внимания на

стук множества копыт — в эти дни белгородская дорога затихала лишь ночью. Но этот шум и невнятные крики казались особенно громкими. Одно только слово — «князь», долетевшее до поляны, заставило всех встрепетаться.

— Князь! — первой воскликнула Леля-Медвянка, а за ней загомонили остальные:

— Неужто князь приехал? Дождались! Побежали посмотрим!

С венками на головах девушки помчались к опушке. И они не ошиблись: к мосту через ров к воротам города подъезжал отряд, который мог принадлежать только князю. Три десятка витязей, покрытых красными плащами, на одинаковых вороных конях, пестрая стая бояр в бобровых шапках — конечно, это его ближняя дружина, хоть и не вся. Острые глаза Медвянки мигом выхватили из строя багряный княжеский плащ. Это был он, сам светлый князь Владимир Красно Солнышко! На Киевщине все знали его в лицо, и сейчас он показался девушкам красивее, бодрее обычного — то ли князь радовался близкому походу, то ли и его не оставило равнодушным дыхание весны.

Гриди заметили пеструю стайку девушек, появившуюся на опушке рощи, замахали им руками, что-то весело закричали. Девушки смеялись, закрывались рукавами. Видно, нынешним вечером сам Перун послал им своих лучших внуков для игрищ и хороводов. Гриди ближней княжеской дружины были мечтой, сладким сном любой девицы на Киевщине — они были не только сильны, ловки и удалы, на них лежало благословение богов.

Князь уже въезжал в ворота, но придержал коня и обернулся. Взгляд его ясных серо-голубых глаз, словно молния, упал на Медвянку, выбрав ее одну, минуя всех, и у нее захватило дух. Она стояла на опушке рощи, под зелеными шепчущими березами, гордо выпрямившись, как хозяйка, княгиня этого весеннего дня. С венком из подснежников на волосах, медом и золотом горящих под солнцем, с пылающими щеками, в красноватой рубахе, девушка казалась самой богиней Лелей,

в свой велик-день вышедшей из березняка приветствовать светлого князя.

Владимир Святославич подался к одному из своих спутников, русобородому великану с серым волчьим хвостом на шапке, и спросил что-то, показывая глазами на Медвянку. Тот недоуменно покачал головой. Тогда один из ехавших рядом с князем отроков, предупреждая его желание, тут же покинул строй и во весь мах поскакал к опушке рощи, топчя молодую травку; из-под копыт коня полетели комья грязи. Девушки с визгом бросились бежать и скрылись в роще. Смешавшись в первый миг, Медвянка тоже сделала шаг назад, но наткнулась на березу и осталась стоять, опираясь спиной о белый ствол. Этот всадник на вороном коне, в белой рубахе и с красным плащом за плечами, с мечом в серебряных ножнах на поясе, мчался на нее стремительно и в то же время медленно-медленно, как во сне. Брызгами разлетелся чистый звон от серебряных подвесок на сбруе его коня. Всадник казался Медвянке божественным виденьем.

В последний миг, в двух шагах от прижавшейся к березе девушки, отрок резко осадил коня, а сам птицей спорхнул на землю. Боевой выученный конь встал как вкопанный, а гридь, держа блестящую серебряными бляшками узду, шагнул к Медвянке. Золотая серьга поблескивала в его левом ухе под светлыми кудрями, вольно выющимися на радость девицам; голубые глаза смотрели на Медвянку радостно и ласково.

— Не бойся меня, краса-душа! — весело улыбаясь, воскликнул парень. — Не ворог я, не лиходеи!

— А я и не боюсь! — спокойно ответила Медвянка.

Статный парень показался ей красивым, даже шрам на щеке, наполовину скрытый небольшой светлой бородкой, его не портил. Ее глаза загорелись прельстительным задором, и стало видно, что она не богиня, а простая, смертная девушка.

— Как тебя звать? Какого родителя дочь? — спросил отрок, обшаривая острым взглядом ее лицо и стан. — Чего смеешься, не я спрашиваю, а князь!

— Звать меня Медвянкой, а отец мой — Надежа-городник, — ответила девушка, словно бы с усилием одолевая смущение — но что же делать, раз спрашивает сам князь?

Однако при этом она не могла не коситься в сторону ворот — ей отчаянно хотелось знать, смотрит ли на нее князь, — но отрок загородил ей дорогу и мост через ров.

— Надежу мы знаем! К такому умельцу в гости и князю не зазорно пожаловать! — Парень улыбнулся и подмигнул Медвянке, намекая, что и сам не прочь зайти.

— Мой отец и князя сумеет принять как подобает! — ответила Медвянка, а ее лукавый взгляд досказал: «И ты приходи».

— Кланяйся батюшке, краса-душа!

Отрок вскочил в седло — его красный плащ метнулся языком пламени — и поскакал назад к воротам. Князь тронул коня. Отряд потянулся в город; застучали копыта по бревнам моста.

Медвянка провожала глазами княжескую дружину. Улыбка неволью засияла на румянном от свежего ветра и волнения лице. Сбывалось то, о чем девушка не смела и мечтать. Подружки сбежались к ней, стали тормошить, расспрашивать, завидовать — ведь сам князь отметил ее вниманием, а отрок из ближней княжеской дружины с ней говорил! Но Медвянка не отвечала им — небывалый восторг бурлил в ее певучем сердце, ей хотелось плясать и смеяться.

Медвянка и думать забыла о прерванном величании Лели: взгляд светлого князя заменил ей праздник. Другие девушки тоже не вспоминали про обряд — приезд дружины занимал их гораздо больше. Только гончарова дочь Живуля стояла позади всех и, не глядя на дорогу, бережно держала свой венок с синими глазами фиалок. Она тревожилась, не разгневется ли Дочь на то, что праздник в ее честь так скоро прервали. Видно, этой весной даже богиня Леля принуждена была уступить дорогу воинам.

ГЛАВА 2

С приездом князя Владимира словно само солнце вошло в Белгород. Суета и гомон обрели смысл и упорядоченность. Князь привел с собой только треть своей ближней дружины, подошли еще не все обещанные городами полки, но теперь каждому сделалось ясно, что подготовка кончается, поход близок и турий рог вот-вот даст знак ставить ногу в стремя.

В семью старшего городника приезд князя принес одно беспокойство. Рассказ взволнованной, сияющей Медвянки о том, как на нее смотрел сам князь, сильно напугал Надежу и Лелею. По Киевщине давно ходили слухи о чрезмерной любви светлого князя Владимира к красным девицам, и число его сыновей от разных жен было красноречивым тому подтверждением. Надежа вовсе не хотел отдать свою любимую дочь на княжескую забаву.

— Вот угораздило, прогневили мы богов! — причитала Лелея. — Мати-Макоше, смилуйся, оборони от беды! И куда тебя только понесло, коза ты безголовая! Сраму не оберешься!

— Да не плачь ты, мать! — скрывая досаду, пытался утешить жену Надежа. — И мы не холопы, не смерды сирые, чтобы князь нас так обидеть мог! Силой не потащит он нашу девку к себе!

Но Лелея не верила утешеньям и горевала. Надежа строго запретил Медвянке выходить за ворота, а челяди велел не пускать на двор никого из киевских, а коли полезут силой, скликать людей, будто при татьбе и разбое. Медвянка была

обижена и расстроена, спорила с отцом, даже плакала. Вот когда она до конца поняла горе Сияны, которую не пускали на Лельник! То, в чем Медвянка видела радость жизни, было наглухо заперто от нее родительской строгостью. И почему? О князе всегда наврут с три короба. Не сделает он им ничего дурного! Но Надежа был непреклонен.

— Буде тебе гулять, догулялась! — с непривычной суровостью сказал он дочери. — Мне внука приبلудного не надобно, хоть он и княжьего рода. Пусть князь себе забавушек у кого другого поищет. Вот будем Владимира Красно Солнышко в поход провожать — и тебя возьму посмотреть. А покуда носа не смей казать за ворота!

Даже сидя за столом в княжеской гриднице, Надежа чувствовал себя как на еловой лапе — ерзал, едва притрагивался к угощениям и все посматривал на князя. Но Владимир-Солнышко, поприветствовав его наравне с прочими, больше не глядел на него. О любви князя к красивым девушкам люди не лгали, но перед далеким походом у него были другие заботы.

А вокруг Владимира все пировали, кричали князю славу, хвалились ратной доблестью. Только один человек, как и Надежа, не разделял общего веселья. Сотский Велеб сидел мрачный и лишь пил кубок за кубком пахучий малиновый мед. В этот раз его сотня не шла в поход, а оставалась стеречь Белгород. Добыча и слава на сей раз достанутся другим, и ничто не могло утешить Велеба.

На другой день весь Белгород гудел новостью — князь с большой дружиной идет на чужь! Многие радовались, надеясь на богатую добычу, но кое-кто и беспокоился.

— На чужь-то хорошо, да как бы не пошли на нас печенеги! — толковал Надеже сосед, старшина сереброкузнецов Вереха. — Пора для них удобная — травень, как бы по траве по новой не наладились они к нам! Прослышат, что князя и войска нету... Вот, остается у нас Велебова сотня, а что она сделает? В орде же тысячи несчетные! У нас один воюет, а на

него семеро пашут. А степняки не пашут, не сеют, сколько мужиков, столько и воев, на нашего одного ихних десять! Стены-то у нас крепкие, да в осаде сидеть — припасы нужны. Обещал князь дать припас, да где он? Ты его видал? И я не видал. Вот и думай, что нам с сего похода ждать, добра или худа. Как по-твоему, Явор?

Десятский тоже был здесь. Надежа увидел его на улице и сам зазвал в гости. Явор пришел охотно, надеясь повидать Медвянку. Она сидела в углу, ни на кого не глядя, неразговорчивая и угрюмая. Несмотря на уговоры, отец твердо держался своего решения не выпускать ее со двора. Медвянка была убита таким разочарованием, но послушаться не смела. Меньше прежнего расположенная заниматься полезным делом, она бродила по дому и по двору, вслух жаловалась на судьбу и завидовала Зайке. Та вольно бегала по всему детинцу или вместе с другими детьми целыми днями сидела у ворот княжеского двора, любуясь на бояр, отроков и их коней в блестящей серебром упряжи, а потом возбужденно пересказывала сестре все, что видела. Но Медвянку это мало утешало. Где-то там, на площади за тыном, ходил тот самый голубоглазый паренёк из детских. Иногда Медвянке чудилось, что она слышит в гуле голосов за тыном и его веселый голос, что-то кричащий, поющий, смеющийся. Он был так близко, но они не могли увидеть друг друга. Медвянке казалось, что за неизвестную вину она одна не допущена к всеобщему веселью.

И Явор, не сводящий с нее глаз, вызывал у нее лишь досаду. Куда ему до киевских витязей! Он был таким скучным и невзрачным по сравнению с ними, что Медвянку даже злила его упрямая надежда ей понравиться. А киевская дружина завтра-послезавтра уйдет в поход, и она, быть может, никогда уже не увидит ни княжичей, ни воевод, никого, кроме Явора с его кривым носом! Медвянке было тоскливо и досадно, а превозмогать дурные чувства она не умела.

А Дунай Переяславец, занимавший столько места в ее мыслях, тем временем вовсе не думал о ней. Его чувства быстро загорались и угасали, ему нравились все девушки на свете, но

ни к одной из них он не был привязан по-настоящему. Его занимало только то, что было у него перед глазами. А с глаз долой — из сердца вон. В другое время и с Медвянкой бывало так же, но теперь, в домашнем заточении, ей было не на что отвлечься и не о чем больше думать. А Дунай в потоке забот и новых впечатлений давно стер из памяти ее образ.

Не таков был Явор. Его чувства и привязанности возникали не так легко и не предназначались кому попало, зато держались крепко. Однажды полюбив Медвянку, он любил ее вдаль и вблизи, в радости и печали. Никакой поход не мог заставить его забыть о ней — среди дел и забот он восхищался ее образом в своем сердце и черпал в нем силы для легкой ратной службы. Может быть, Медвянка и не стоила такой глубокой любви, но таким был сам Явор, такими были и его чувства — делить себя он не умел.

Сейчас десятский видел, что Медвянка не хочет с ним разговаривать, но то и дело поглядывал на нее. Его тревожил ее расстроенный вид — он тоже слышал о ее встрече с князем и думал, что девушка боится злых языков. Явор пришел сюда сегодня, чтобы узнать, не нужна ли ей защита, и Надежа был всем сердцем благодарен ему за это.

Услышав свое имя, Явор отвлекся от раздумий о Медвянке и повернулся к Верехе.

— Как мыслишь — ждять ли нам летом печенегов? — повторил сереброкузнец.

— Не посмеют! — уверенно ответил Явор. — В прошлое лето из-под Васильева так их погнали, что долго помнить будут.

— Так ведь сколько городов тогда полки собирало! — воскликнул Вереха и принялся вспоминать: — Из Киева были, из Овруча, из самого Чернигова! А ныне-то где они все? Все в чужь идут, а мы с чем остаемся?

— Как так — с чем? — вскричал Надежа и выразительно махнул рукой в сторону Явора. — А нашего тысяцкого дружина? Наши-то соколы ясные с нами остаются. Да пусть хоть три орды под город придут, я и не подумаю бояться!

— Одно хорошо — за твоими стенами нас не взять! — сказал Вереха.

— С такими стенами и дружины не надо, — негромко и язвительно сказала Медвянка. Она обращалась к матери, но бросила быстрый колючий взгляд на Явора. — Хорошо в белгородской дружине служить! Знай себе у ворот стой, да по улицам похаживай, да на девиц поглядывай!

Явору нетрудно было понять, в кого она метит своей речью. Медвянка видела, что он задет ее словами, но не унималась.

— Боги милуют — на Белгород вороги не идут, а искать их — заботы нет! — продолжала она. — Кто посмелее — те с князем идут, в чужих землях себе ратного дела ищут. А иные, хоть и воями зовутся, да воюют с тараканами возле теплой печки!

Этого Явор уже не мог пропустить мимо ушей. К ее насмешкам над его перебитым носом он уже привык, но намеки на его трусость сначала удивили, а потом обидели десятского. Свою службу на рубеже степей он считал не менее важной и трудной, чем покорение дальних земель. Гордость воина мешалась в его сердце с обидой на возлюбленную. Явор помрачнел и нахмурился.

— Не обо мне ли толкуешь? — глухо, отрывисто спросил он, исподлобья глядя на Медвянку.

А она словно обрадовалась, что проняла его своими словами.

— А хотя бы и о тебе! — с вызовом ответила девушка и отбросила шитье, которое бесполезно ковыряла иголкой. — О ком же мне толковать, как не о тебе? Проходу от тебя нет! Куда ни повернусь — ты рядом толчешься. Вся удаль твоя на девок ушла. А как князь в поход идет — только тебя одного и не видать!

— Вот как ты обо мне! — Лицо Явора побледнело даже под загаром, а потом потемнело от прилившей крови; дыхание участилось.

Каждое слово Медвянки, ее презрительный взгляд били его в самое сердце, словно железный наконечник стрелы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть первая. Город-щит</i>	5
<i>Часть вторая. Битва со Змеем</i>	191
Пояснительный словарь	405

Літературно-художнє видання

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета
Колодязь старого волхва

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 29.07.2019.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 21,84.
Наклад 10 000 пр. Зам. .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета
Колодец старого волхва

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 29.07.2019.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 10000 экз. Зак. .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

На все місто славиться своєю красою юна Медвянка. Але ж і норув у діви крутий: немає такого юнака, що припав би їй до вподоби. Десятник Явір — перший молодець у місті, його поважають соратники та любить воевода. Ось тільки розпещена Медвянка не бажає визнавати його переваги. Вона відштовхує Явіра, не прийнявши перстень. Щоб забути про своє розчарування, десятник вирушає в степ. І наштовхується на печенізький розвідувальний загін. На місто суне орда. Гряде битва. Лише тепер Медвянка розуміє, який дорогий її серцю хоробрий десятник...

Дворецкая Е.

Д24 Колодец старого волхва : роман / Елизавета Дворецкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 416 с.

ISBN 978-617-12-5757-3

На весь город славится своей красотой юная Медвянка. Но и нрав у девы крут: нет такого юноши, который был бы ей мил. Десятник Явор — первый удалец в городе, уважаемый дружиной и любимый воеводой. Вот только избалованная Медвянка не желает признавать его достоинств. Она отвергает Явора, не приняв перстень. Чтобы забыть о своем разочаровании, десятник отправляется в степ. И натывается на печенежский разведывательный отряд. К городу движется орда. Грядет битва. Лишь теперь Медвянка понимает, как дорог ее сердцу храбрый десятник...

УДК 821.161.1